

С ВЬШЕ полувек редкий писательский талант Константина Георгиевича Паустовского, 90-летие которого отмечается завтра, 31 мая, служит людям верно и беззаветно. Проникновенный лиризм, красота и музыкальность стиля пронизывают все его книги. Но самым дорогим для читателей остается та гражданская и нравственная позиция, которая одухотворяет все его творчество, его призыв к людям быть добрее, лучше, честнее. Потому что без этого невозможно подлинное понимание коммунистического преобразования нашего мира. Произведения Паустовского входят в нашу жизнь с юности. Кто не зачитывался его «Колхидой», «Повестью о лесах», «Романтиками», «Блестящими облаками», «Черным морем», рассказами о любви, разлуках, русской природе, встречах с искусством! В каждом своем произведении писатель учит нас любить Родину, землю, по которой мы ходим. Его талант патриотичен в самом подлинном значении этого слова.

«Я пишу, превращаясь в книги, я даю себя всем». В этих словах весь Паустовский, с его необыкновенной душевной щедростью. Он прожил большую жизнь, но всегда оставался молодым, по-юношески жадно вглядываясь в окружающее, находя живой интерес в шелесте трав, в запахах леса, в блеске росы.

Его самого всегда тянуло повидать свет, участвовать в больших и малых событиях. Он служил вагоновожатым в Москве, санитаром в действующей армии во время первой мировой войны, работал на заводах в Брянске, Юзовке, Новороссийске, Таганроге. Рыбачил в артели на Азовском море. В Москве встретил Октябрьскую революцию, несколько раз слышал В. И. Ленина, жил напряженной жизнью газетных редакций. Потом были Киев и Одесса, где он попал в среду молодых литераторов — Ильфа, Бабея, Багрицкого. «Муза дальних странствий» влекла его в Армению и северную Персию. Потом снова Москва, работа редактором РОСТА.

И ПОВЕРИЛ В ЧУДО...

К 90-летию со дня рождения К. Паустовского

ВСТРЕЧА с Тавридой, открытие Паустовским для себя Крыма произошли, когда ему было четырнадцать. Здесь он впервые с особой силой ощутил красоту природы, еще неясную мечту о творчестве. И это чувство снова через десять лет, в 1916 году, привело его в Крым. Год этот стал знаменательным в его творчестве. Именно в это время Паустовский начал свой первый роман «Романтики», герои которого были связаны с югом России. Так крымская тема входила в его творчество.

— Крым стал как бы второй моей родиной, — скажет писатель позже. — Впервые я понял, как прекрасна эта земля, омытая одним из самых праздничных морей земного шара... Есть уголки нашей земли настолько прекрасные, что каждое посещение их вызывает ощущение счастья, жизненной полноты, настраивает все наше существование на необыкновенно простое и плодотворное звучание. Таков Крым.

Кажется, не так давно мы, журналисты курортной газеты, поздравляли Константина Георгиевича с 75-летием, которое застало его в Ялтинском Доме творчества. Этот дом он считал своим родным. И не случайно. Тут писал он «Созвездие Гончих Псов», «Потерянный дом», «Черное море», «Парусных дел мастер», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», «Книгу скитаний», «Золотую розу» и «Повесть о жизни».

С виду Паустовский казался человеком суровым. В этом нетрудно убедиться, глядя на его фотографии последних лет. Спортивного вида пальто и кепка подчеркивали его коренастую, приземистую фигуру. Стоило услышать его голос, пригладиться поближе, и эта суровость больше походила на сдержанность очень доброго, внимательного и чуткого человека. Он зорко присматривался к каждому, кто появлялся в Доме творчества. Здесь в разное время встречался он с близкими сердцу людьми — А. Гайдаром, В. Луговским, А. Мальшиным, Э. Казакевичем, М. Шагинян, В. Каверины.

На страницах нашей газеты появлялись интервью с Паустовским. Мы все тогда находились под влиянием его «Золотой розы». Однажды преподнесли писателю огромный букет золотистых нежных бутонов Глории Дей в знак нашего преклонения перед его удивительной книгой. На первой странице ее Паустовский писал: «В этой книге я рассказал пока лишь то немногое, что успел рассказать». Поэтому читатели с надеждой ждали продолжения этого удивительного, неповторимого литературного шедевра, где совершенно стираются грани между эстетикой, литературоведением и художественной прозой. Константин Георгиевич думал о второй книге «Золотой розы». Когда возникли сомнения на тот счет, будто бы не может быть продолжения, удивлялся и говорил:

— Почему же нельзя дальше писать «Золотую розу»? Продолжать такую книгу можно до бесконечности. Хотя... сегодня же можно поставить и последнюю точку.

В феврале 1962 года Паустовский писал из Ялты жене Татьяне Алексеевне: «Работаю пока не очень много — по пять-шесть часов в день (речь шла о второй книге «Золотая роза»). Пишу свободно... Я хочу поймаю и закрепить, довести до полной прозрачности то состояние, которое называется вдохновением, но оно гораздо сложнее сильнее и ближе к жизни, чем то легкое состояние, какое мы зовем этим именем. Пожалуй, это пушкинское: «И забываю мир — и в сладкой тишине я сладко усыплен моим воображеньем...» и слова Заболоцкого: «Я люблю этот сумрак восторга, эту крат-

кую ночь вдохновенья». Это очень сильное, ясное, великолепное состояние...»

Проходили годы, а второй книги все не было. Очевидно, «Повесть о жизни» поглотила все рабочее время и все силы писателя. Кроме этого, были еще очерки о поездках за границу, газетные статьи, рассказы, подготовка к изданию собрания сочинений, правка чужих рукописей, письма... Но такие вещи Паустовского, как «Горсть крымской земли», «Умолкнувший звук», «Наедине с осенью», своим содержанием и поэтическим строем продолжают главную тему «Золотой розы» — рассказа о прекрасной сущности писательского призвания и труда. Паустовского всегда интересовали биографии великих людей, будь то датский сказочник Андерсен или норвежский композитор Григ, художник Левитан или писатель Грин...

Иногда по состоянию здоровья Константин Георгиевич не мог спуститься не только на набережную, но даже в литфондовский парк. Тогда он выходил на балкон своей комнаты. Отсюда любовался морской далью, прозрачной синевой побережья, прислушивался к пению птиц, которых он любил кормить с руки, заглядывался на золотистый лист платана, трепещущий на ветру. Взор его обращался в ту сторону города, где находился близкий сердцу чеховский домик. Последний раз он побывал в нем осенью 1966 года. В книге отзывов осталась запись: «Есть четыре места в России, которые полны огромной лирической силы и овеяны подлинной народной любовью, — дом Чехова в Ялте, дом Толстого в Ясной Поляне, могила Пушкина в Святых Горах и могила Лермонтова в Тарханах. В этих местах наше сердце, наши надежды, в них как бы сосредоточена вся прелесть жизни».

В «Золотой розе» Паустовский писал о том, что почти каждый человек, попавший в Дом-музей Чехова, начинал думать о своей судьбе, особенно если он проглядел свою жизнь и только сейчас спохватился. Очевидно, гармоничность и содержательность чеховской жизни заставляли людей, в том числе и Паустовского, сверять с ней собственную жизнь.

Константин Георгиевич как-то писал, что без людей нашего времени, полного побед и человеческой теплоты, нет прекрасного ни в цвете морей, ни в ветрах, ни в облаках, ни в полете птиц — ни во всем, что называется жизнью. Эти слова можно отнести и к нему самому. Писательство не было для него ремеслом и занятием. Оно было его призванием.

Паустовский открыл читателям страну, которая не обозначена ни на одной географической карте. Она населена чистыми и добрыми людьми. Она дышит зноем пустыни и соленой прохладой моря. В ней шумят леса и лют дожди. В ней много лесных дорог и живого тепла печей в старых домах со скрипучими полами. Читая Паустовского, мы учимся смотреть на мир его глазами.

— Я благодарен жизни, — признавался Паустовский, — что я родился и живу в России в замечательную эпоху ее существования, благодарен за то, что я прожил всю жизнь в этой талантливой, прекрасной и самой человеческой стране из всех стран мира.

В последнем письме, за два месяца до смерти, он писал из больницы: «...Жизнь оборвалась у меня чуточку раньше, чем могла бы... Я был счастлив в этой земной жизни. И поверил в чудо...»

Т. БАРСКАЯ.

На снимке: К. Паустовский.

Фото А. РЯБЦОВА.